

Глава 45. Не смотри

Дождь тяжело бил сквозь густую листву, разбрызгивая вокруг сырой, терпкий запах земли.

Ливень шумел без конца.

Тесную пещеру окутал сплошной поток дождя. Снаружи опустилась тяжёлая водяная завеса, замкнув в кольцо золотисто-алый огонь феникса, круживший внутри.

Казалось, пламя феникса тоже чувствовало настроение своего хозяина. Его и без того ослепительный хвост то и дело расходился кругами мягкого жара, осыпая воздух мелкими искрами. Оно весело носилось по пещере, вспыхивая, как фейерверк, и тут же исчезая.

Пламя феникса прогнало сырость и холод, принёс свет и тепло.

Цзян Тану казалось, что весь его мир теперь окружён этим поцелуем.

Он ничего не слышал и ни о чём не мог думать. Знал только одно: человек перед ним пах тем самым холодным ароматом, от которого ему хорошо.

Такого удовольствия он не испытывал никогда.

Цзян Тан прожил больше двадцати лет — и все эти двадцать с лишним лет скрывал, что его влечёт к мужчинам. Он не смел признать, кого именно любит, а потому никогда не держал никого за руку. Что уж говорить о такой близости, как поцелуй.

Незнакомый, ослепительный фейерверк один за другим взрывался у него в голове. Это было чудесно.

Впервые он чувствовал, что Фу Линцзюнь дышит так торопливо.

Тёплое дыхание переплеталось, будто смешивалось воедино. Цзян Тан не сдержал тихого стона и, запрокинув голову, неловко ответил на этот поцелуй.

Нежно. словно он погрузился в тёплый источник, где каждая пора раскрывается от удовольствия.

И властно. Будто кто-то бесцеремонно вторгся в его мир, без стыда забирая и присваивая, принимая и отдавая в ответ.

Это был танец, от которого невозможно отказаться.

Он захмелел посреди этого праздника и потерял голову.

Воздух у него отняли, и Цзян Тану стало нечем дышать. Лицо его порозовело от удушья. Ему хотелось лишь немного перевести дух.

Но стоило его отпустить всего на секунду, как ладонь на затылке снова властно, но мягко сжалась.

Он запрокинул голову, встретился взглядом с глазами, полными звёздного света, — и снова оказался втянут в этот танец.

Сам он был будто развевающийся подол платья, который взлетает и опадает под быстрый ритм музыки. Танцующий был так свободен и так рад, что, кружась на одном краю зала, тут же подхватывал этот подол и уносился с ним на другой.

Под конец уставший танцор остановился у стойки и мягким голосом заказал себе выпить.

Это было сладкое вино, настоящее на мёде. От одного глотка уже можно было опьянеть.

Танцор пил не один — он приглашал и Цзян Тана тоже.

А Цзян Тан никогда прежде не пил.

Хмель у него был слабый. Выпив слишком много этого сладкого вина, он весь покраснел от смущения.

Он не мог выпить столько. Пьянел всё сильнее, а Фу Линцзюнь, похоже, так не считал: глоток за глотком заставлял его пить дальше. А если тот не слушался, ещё и зло кусал за ухо.

— Ум... — Цзян Тану хотелось расплакаться. Он слабо протестовал, но это совсем не помогало. Тот был ужасен. Чтобы заставить его и дальше пить это сладкое вино, он делал много бесстыдных вещей.

Бедного пёсика запугали.

Пришлось, плача, продолжать пить.

На вкус это вино было сладким и чистым, но послевкусие обжигало. Чем больше он пил, тем сильнее ему казалось, будто крепкое вино обожгло ему губы. В конце концов он и правда больше не мог. Он и плакал, и капризничал, слёзы текли у него по всему лицу, но он уже не справлялся — и просто сбежал.

Способ побега у него был только один: напиться до потери сознания.

Напился — значит, ничего не чувствуешь. А значит, дальше пить уже не нужно.

Фу Линцзюнь чуть выше перехватил захмелевшего Цзян Тана и легко поцеловал его в макушку.

Юноша у него на руках плакал так, что всё лицо было в слезах, а волосы растрепались. Кажется, Фу Линцзюнь впервые так близко рассматривал его в человеческом облике. Одной рукой он поддерживал его за спину, а другой поправлял волосы. Намокшие от пота пряди липли ко лбу и щекам. На кончиках пальцев Фу Линцзюня вспыхнула золотисто-алая духовная сила, и он ею осторожно высушил влажные волосы.

А потом долго и внимательно смотрел на него.

Юноша был очень белым.

Такой белизной, какая бывает у белого кролика — чистой и прозрачной. Наверное, именно поэтому его кожа так легко розовела.

Заплаканные глаза покраснели. Кончики ресниц у внешних уголков были мокрыми, и даже милый носик тоже порозовел от слёз.

Из-за сна глаза, которые до этого лишь на секунду приоткрылись, снова закрылись. Только влажные ресницы слегка подрагивали, как у прекрасной бабочки, промокшей под дождём и дрожащей от холода в поисках тепла.

Фу Линцзюнь не удержался. С улыбкой он наклонился и поцеловал эти заплаканные глаза. Мокрые ресницы задели ему переносицу и приятно защекотали.

Дождь всё лил и лил.

Утёс Жисы целиком утонул в проливном ливне. Небо потемнело, и несколькими промокшим, укрывшимся от дождя юношам стало не по себе.

— Эй! — Хуай Чэнъинь широко размазал ладонью дождевую воду по лицу и, сидя на корточках под густой кроной дерева, потёр руками плечи. — Мне одному кажется, что тут всё до жути странное? Е Чжэнвэнь, твой дядя ведь и правда здесь главный по подавлению, да?

Е Чжэнвэнь в этот момент держал над единственной девушкой в их отряде, Шэн Исюэ, широкий круглый лист вместо зонта.

Но лист не выдерживал такого ливня. Тяжёлые капли стучали ему по голове, и от этого уже даже кожа на макушке как будто немела.

— Да конечно... тьфу! — порыв ветра резко сменил направление дождя, и вода вся хлынула ему прямо в открытый рот. Она была терпкой и отдавала кровью, будто не то грязью, не то ещё чем-то мерзким. Ему сразу стало нехорошо.

Он несколько раз отплевался и продолжил:

— Всё точно в порядке! Тут же стоит духовный барьер моего дяди, демонические звери не могут особо разгуляться. Просто мы, убегая от этого Ци Цунъюя... заодно забрели чёрт знает куда. И карты никакой нет...

На подвесном мосту, после того как Фу Линцзюнь унёс Цзян Тана, несколько юношей, как и следовало ожидать, снова разругались. Но Ци Цунъюй уходить не хотел, а ещё держал Е Чжэнвэня на крючке из-за того, что тот тайком жульничал. Е Чжэнвэнь кипел от злости, но сделать ничего не мог. Стоило ему попытаться выгнать Ци Цунъюя, как тот грозился растрезвонить на весь мир, что Е Чжэнвэнь тайно пробрался на утёс Жисы, примыкающий к охотничьей зоне. Либо жульничают вместе, либо никто не жульничает.

Е Чжэнвэнь посмотрел на Шэн Исюэ. Хрупкая лекарка упрямо полезла в охоту только ради того, чтобы помочь Сун Цзиньяо выиграть Небесный Нефрит Хэ. Как ни крути, они обязаны были войти хотя бы в первую четвёрку. По крайней мере, набрать больше очков, чем Ци Цунъюй и Ци Е.

В итоге обе стороны разошлись в разные стороны в скверном настроении.

Вообще-то Е Чжэнвэнь смутно помнил, что дядя рассказывал о внутреннем устройстве утёса Жисы. Но после выходки Ци Цунъюя и внезапного ливня он моментально потерял направление. Сейчас их четвёрка вымокла и вымоталась до предела и только мечтала поскорее найти хоть какое-то укрытие.

— По-моему, мы тут уже были, — сказал Сун Цзиньяо, глядя на древнее дерево, густо оплетённое лианами.

Хуай Чэнъинь покосился на него:

— И ты по одному этому понял?

Сун Цзиньяо протянул руку и коснулся свисающей лианы. Лицо его стало немного странным.

— Потому что... только она здесь цветёт...

В следующее мгновение коснувшуюся лианы руку обвило и дёрнуло вверх. Цветущая лиана резко потащила его в воздух.

Всё произошло слишком внезапно.

Молчаливо висевшие лианы вдруг ожили и попытались утащить того, кто к ним прикоснулся.

Стоявший рядом Хуай Чэнъинь среагировал мгновенно. Он выхватил меч и одним ударом отсёк лиану. Упавший на землю обрубок извивался, как змея. А следом все лианы на дереве мелко задрожали и поползли вниз, словно собирались сожрать людей под ним.

Е Чжэнвэнь заорал так, будто ему наступили на хвост:

— Бежим! Это змеиные лианы!

Змеиные лианы были низкоранговыми демоническими растениями, которые обычно прятались, принимая вид обычных плетей. Но обычно их было всего несколько. А сейчас всё дерево было опутано ими густо, без счёта, и вся эта масса, словно обезумев, хлынула на них!

Такое было уже за пределами того, с чем этот отряд мог справиться.

Если брать по-честному, из всей команды боевой силой считались Е Чжэнвэнь и Хуай Чэнъинь. Сун Цзиньяо тянул на половину бойца. Шэн Исюэ только мешала и в расчёте уходила в минус половину. В сумме — два с половиной бойца, не больше.

А против них были бесчисленные змеиные лианы и ещё один обузой на руках. Бежать всем вместе было уже невозможно. Е Чжэнвэнь сам вызвался остаться — всё равно у него было больше всего артефактов. Он во всё горло крикнул:

— Вы бегите! Я их немного задержу!

Хуай Чэнъинь схватил Шэн Исюэ и рванул прочь, крича на бегу:

— Свяжемся потом по духовной связи! Давай, живо догоняй!

Пока эти дети там носились как вспугнутые куры, в каменной пещере Цзян Тан уже спокойно проспал почти полдня.

Снаружи лил как из ведра дождь, внутри золотисто-алое пламя феникса кружило в воздухе, и было тепло, как весной.

Цзян Тану всё ещё было немного нехорошо, но в целом он уже пришёл в себя. Он чувствовал себя так, будто слишком долго пролежал в горячем источнике, и проснулся в полном дурмане.

Длинные тёмные ресницы дрогнули, и он открыл глаза.

Это были необыкновенные, почти демонически красивые глаза, светло-лунного цвета, но прозрачные, как драгоценные камни. Сейчас они всё ещё были затуманены, будто он спал слишком долго и только-только проснулся, а всё вокруг оставалось расплывчатым.

Мир перед Цзян Таном качался.

Ему казалось, будто он лежит в маленькой лодке, которую всё время мотает. От этого кружилась голова и подступала тошнота.

Где он вообще? Что с ним произошло?

Волна паники и дурноты мгновенно накрыла Цзян Тана.

Он инстинктивно захотел найти Фу Линцзюня, но ничего толком не видел и пошевелиться тоже не мог.

Лишь спустя долгое время эта тяжесть немного отпустила.

Мир перед глазами понемногу прояснился. Он смутно увидел круживший над головой огонь феникса, а ещё — свисающие чёрные волосы.

Он моргнул и встретился взглядом с глубокими глазами Фу Линцзюня.

Паника тут же исчезла.

Это же великий босс! Что бы ни случилось, пока рядом Фу Линцзюнь, всё точно будет в порядке!

— Иу... — Цзян Тан только хотел подняться и потереться о него, как в тот же миг, когда звук сорвался с губ, понял, что что-то не так.

Очень не так.

Его голос звучал совсем не так, как тоненький голосок маленькой белой собачки.

И почему Фу Линцзюнь в его глазах вдруг стал меньше?

Раньше он смотрел на него так, будто маленький житель страны лилипутов видит великана. А теперь Фу Линцзюнь казался совсем не таким большим — почти будто одного с ним роста...

Стоп.

Одного роста.

Цзян Тан смутно почувствовал неладное, зашевелился, собираясь сперва выбраться из этих объятий, — и тут в поле зрения вместо лапы поднялась чужая рука.

Белая. Тонкая. Красивая рука.

Это... рука? Его рука?

А где тогда лапы?!

Цзян Тан так перепугался, что тут же подскочил в руках Фу Линцзюня. Все конечности казались чужими, он едва удержался на ногах, несколько раз опасно качнулся и только потом более-менее выпрямился.

— Я... — отступив от Фу Линцзюня на несколько шагов, он вдруг почувствовал, как по телу скользит холодок. Опустил взгляд — а на нём ничего нет.

Только эти длинные, сияющие мягким светом волосы едва прикрывают тело.

— А! — из горла вырвался короткий, звонкий вопль. А в следующую секунду он в полном смятении снова нырнул обратно в объятия Фу Линцзюня, забрался поглубже в его широкий чёрный халат, пытаясь завернуться в него целиком.

Фу Линцзюнь, уже повидавший на своём веку всё:

— ...

Маленький осьминог снова налип на него — точь-в-точь как вчера.

Он не удержался от смеха:

— Что такое?

У Цзян Тана сейчас буквально весь мир трескался по швам.

Нет, почему он вообще превратился в человека? Неужели священные звери — это такой вид, который может запросто принимать человеческий облик? И почему он об этом до сих пор ничего не знал? Почему превращение не сопровождалось хотя бы каким-нибудь предупреждением? Почему нельзя было заранее сообщить?!

И ещё — что у Фу Линцзюня за реакция? Почему он вообще не удивился? Неужели ему не полагается испытать шок, ужас, тревогу, пройти через сложную внутреннюю борьбу и только потом постепенно смириться с тем, что его маленькая белая собачка вдруг превратилась в живого человека?

А он просто взял и совершенно спокойно это принял. Да ещё и здороваётся как ни в чём не бывало!

Что это вообще за сюжет такой?

В голове у Цзян Тана бушевала буря, но языковая система у него всё ещё грузилась из рук вон плохо. Он помялся, помычал, и лишь потом выдавил одну-единственную фразу:

— Дай... одежду. Не смотри.

Голос был мягкий и сладкий, без малейшей убедительности.

От этого голоска, похожего на жидкий сахар, Фу Линцзюнь не удержался и растрепал ему волосы.

Смешно. Можно подумать, он ещё чего-то там не видел.

<http://bllate.org/book/17032/1639368>